

18 июня 2010

Дмитрий Хворостовский присоединился к клубу «Сноб»

Мы — люди, родившиеся в Советском Союзе, — очень закомплексованы

«Никто не может быть уверен в том, что он не сноб. Такая высокомерная уверенность сама по себе уже снобизм». Согласны ли вы с этим утверждением?

В Лондоне вы больше англичанин или русский?

По-моему, я ни к одной категории не принадлежу. У меня в Лондоне база. Здесь живет моя семья, учатся мои дети. Но я очень закрытый человек и ни на какие рауты и встречи не хожу. Благо у меня есть мои родные люди, которых я не выпускаю из объятий, когда приезжаю. А социальным позиционированием я не занимаюсь. Меня весь этот социалайзинг абсолютно не интересует.

Но ведь в Лондоне важно, знаком ли ты с местной аристократией, посещаешь ли клуб на Пэлл Мэлл. Тут же не Нью-Йорк — тут вроде бы важно быть «своим».

Да наплевать. Я за эти годы достаточно много и многих повидал. Я знаком с королевой и принцем Чарльзом. С Чарльзом я встречался несколько раз. После одной встречи в Букингемском дворце, где я был с Флошей (жена Хворостовского, певица Флоранс Илли. — Прим. ред.), нас запечатлели втроем, о чем-то разговаривающих. Мои глаза устремлены куда-то в потолок, в небеса. А глаза принца устремлены на Флошино декольте, и кто-то нарисовал на фотографии такую стрелку: ббба-а-а-бам. Смешное фото. Мне кажется, Чарльз — тот, кого называют charming. И это то, кстати, что отличает аристократов от остальных: предельная искренность и ненапыщенность, предельная простота, естественность. Между вами огромное расстояние, но ты этого не чувствуешь. Мне с ними интересно, хорошо. Это не люди бизнеса или политики, которые как раз дают тебе почувствовать расстояние. Но не то чтобы я специально стремлюсь общаться с аристократией: когда это есть — это есть.

Как вам английская налоговая политика — когда у более состоятельных граждан пытаются взять как можно больше и отдать бедным?

Если такая налоговая политика будет дальше продолжаться, мы отсюда уедем.

Одна из моих целей — достигнуть определенного уровня жизни, достатка для того, чтобы нам и моим детям жилось хорошо. Чтобы никто из них не знал никаких финансовых проблем. Поэтому я и работаю так много, занимаюсь большими проектами — это я про сотрудничество с Игорем Крутым и про военные песни.

Семья может очень многое дать. Но вы никогда не жалеете о том времени, когда в первую очередь думали о профессиональных делах?

А это очень хорошо — семейные ценности. В смысле профессии все высоты, все вершины завоеваны. Нет, ну есть какие-то новые роли, но в принципе сам процесс музицирования — это как река, в которую нельзя войти дважды.

Вы когда-то говорили, что ваша цель — стать главным исполнителем Верди.

Ну и что? И стал.

Одним из главных или все-таки главным?

А все остальные что — умрут или закончат карьеру, и я останусь один? Это все мелочи. Это же не спорт. Потом я не могу доказывать с пеной у рта людям, которым нравится, скажем, Бейонсе, что они неправы. Хотя можно, конечно, вылезти вон из кожи и доказать. Но вы поймите, это я только сейчас так рассуждаю несколько отстраненно, а вообще без этого драйва, попыток кому-то что-то доказать — без них невозможно работать. Я уже говорил когда-то: на сцене ты каждый раз раздеваешься. И не дай бог тебе вдруг паче чаяния какая-нибудь второстепенная мысль придет в голову, и ты не будешь предельно искренен — тогда цель твоего выступления не достигнута.

Вы сейчас едете с концертами в Омск, Томск, Благовещенск. Понятно, что вы тамошней публике можете дать. А что она вам?

В 1990-х люди, подчас голодая, приходили на концерты и ждали какого-то избавления, помощи, которой они не могли получить ни от кого в той реальности. Знаете, на моих концертах люди закрывали глаза и качали головами. Тогда была мания. Ждали какого-то мессии, сверхчуда. В России это есть. Понимаете? Это совсем не то, что выступать в Штатах или в Европе, — там это просто ария из Верди.

Это как раз то, чем вы сейчас в Лондоне занимались, — «Травиата» в Ковент-Гардене?

Да. А в двадцать лет я пел то же самое, арии из «Травиаты», в красном уголке красноярского хлебозавода. Там были дедушки и бабушки, которые сидели в валенках. Было очень холодно, и люди, практически отвернувшись, искоса на меня смотрели.

Мы пели по-итальянски, они ничего не понимали. Но в результате эти люди поднялись на нашу волну — я не могу сказать, что они получали удовольствие, но они сопереживали. Мы пели, а они плакали.

Вы сами тоже из Красноярска?

Я сибиряк. Меня воспитывала бабушка. Она родилась в сибирском селении Каратуз и говорила с приокиваньем. Как-то мои родители заставили меня с двоюродным братом рассказать, как мы собирали грибы в лесу. Лешка, брат, рассказал прекрасным литературным языком, в красках. А я изобразил нечто такое: «Как вот ни зайдешь на полянку, как ни оглянесся — а грибов-то видимо-невидимо». Родители подняли меня на смех, а я не понимал почему, но мне было очень стыдно. Я до шести лет разговаривал как старые наши бабушки.

У вас, говорят, сибирское здоровье, вы очень спортивный человек. Были ли такие моменты в вашей жизни, когда надо было драться, а вам приходилось сдерживаться — потому что берегли лицо, голос?

Никогда. Я выпивал, дебоширил, безобразничал со школы. Только недавно это прекратил.

Недавно? А на голос не влияло?

Тогда не влияло, а потом, когда стало влиять, а также стало влиять на мою жизнь и даже на мои умственные способности, я это дело прекратил.

Зачем вообще люди пьют?

Это от какой-то закомплексованности нашей. Мы — люди, родившиеся в Советском Союзе, — вообще очень закомплексованы. От неуверенности в себе пьют, от бессилия, от переизбытка страстей. У меня это превратилось в дурную привычку. Жизнь артиста такова, что, как правило, после удачного выступления образуются всякие запланированные или спонтанные банкеты, на которых люди выпивают и говорят, какие они хорошие. Но это же типичные русские традиции, и я этого не избежал.

Вы были в себе не уверены? Про вас же в 1980-х и 1990-х на Западе писали как о новой звезде.

Да, но понимаете, человек так устроен, а мужчина особенно, — он всегда должен себе все доказывать. Доказывать, как правило, начинаешь с нуля, каждый божий день. И чем выше планка — тем больше человек волнуется. Высокий уровень труднее всего поддерживать. И, соответственно, человек начинает сильнее тушить это волнение

разными способами — пьянством, например. Последние восемь-девять лет у меня — без пьянства. Вообще ни грамма алкоголя. Проблемы и волнение не ушли, но с тех пор как я прекратил пить, мой профессиональный уровень, по-моему, вырос вдвое.

Глядя на вас, совершенно не скажешь, что вы когда-то были сильно пьющим человеком.

Вы сами сказали: сибирское здоровье помогло. Все очень связано. То, что ты делаешь на сцене, соответствует твоим физическим, сексуальным задаткам, вообще характеру. Как правило, чем труднее, неустойчивее характер, тем лучше это видно на сцене. Все мои демоны, которые сопутствуют моей жизни, — это все средства, которыми я пользуюсь на сцене.

Теннесси Уильямс, кажется, сказал: если я избавлюсь от своих демонов, я потеряю и ангелов.

Да пьянство — это как раз не демоны. Это было просто бессилие.

Вы говорите, что боролись с неуверенностью. Вам не кажется, что человек, отказавшийся от привычной среды, от национальной культуры, обрекает себя на неуверенность до конца жизни?

Наоборот. Я все пропускаю через себя. Я себя достаточно комфортно ощущаю и в Англии, и в других странах, где я в силу профессии должен жить и поневоле ассимилироваться. Когда человек имеет возможность странствовать и наблюдать за окружающими, когда он, чтобы чувствовать себя комфортно, овладевает языками, узнает какие-то новые культурные коды — он все понимает гораздо глубже. Ему все видится в сто раз лучше, чем среднестатистическому англичанину или американцу.